

6511

II

47256

С. Орлов · А. Зенуров

Лампочка
Цыплята

С. Орлов, А. Чепуров

*ЛАМПОЧКА ИЛЬИЧА
В КОЛХОЗЕ „ПЕРВОЕ МАЯ“*

„Красный Север“

Вологда — 1949

СОДЕРЖАНИЕ

Уездная глухомань	5
Новая жизнь	8
Степан Фёдорович Волокитин	14
Десять лет назад	17
На сельскохозяйственной выставке	19
Мечта	21
Строители	25
Седьмая бригада	31
Говорит радиоузел колхоза «Первое Мая»	38
Новые огни	44

По приезде в Кичменгский-Городок нас встретила женщина в белом платочке да молодой человек лет пятнадцати в выцветшей фиолетовой кепке, надвинутой на глаза, с сердитым выражением лица, при знакомстве назвавший себя Прокофием Георгиевичем. Всё в нём, как имя и отчество, было под взрослого: сапоги выше колен, кепка, надвинутая на глаза, и степенность, которая ему даже удавалась.

Отвергнув нашу помощь, он перстаскал почту в тележку и, явно не желая донести нас до райцентра, не вступал в разговор.

Однако, когда выяснилось, что мы едем в колхоз «Первое Мая» к Степану Фёдоровичу Волокитину, он так же молча уложил наши чемоданы рядом с тюками газет. Ясно, что это было сделано из уважения к известному в районе человеку.

Через полчаса мы ехали по мягкой просёлочной дороге.

Дорога шла по песчаным холмам через бор. Лошадь бежала ленивой рысцой, при которой разговор, начавшийся с обычных обоюдных вопросов, выясняющих наше и возчика общественное положение, потёк, наконец, более дружелюбно. Прокофий Георгиевич оказался учеником 9-го класса местной школы, временно занимавшим должность экспедитора.

В его глазах загорелось настоящее мальчишеское любопытство, когда он услышал о Ленинграде.

— Говорят—самый красивый город в Союзе.— Он сдвинул кепку на затылок, и всё его сердитое выражение лица при этом пропало.

— Да, город хороший.

— А вот вы скажите: трудно поступить в Институт международных отношений?

— Конкурс в него большой, и притом институт не в Ленинграде, а в Москве. Кончи школу с медалью, придут без экзаменов,—ответили мы.

— И то правда!—подросток повернулся к нам, предоставив лошади полную свободу.

— Вот если мне «Конституцию» пересдать за седьмой класс с четвёрки на пять, как думаете, разрешат?

— Я вот ещё английский язык изучаю, беда только—произношение мне не даётся, а ведь язык—он нужен!

При этом он тонко поджал губы и покачал головой, чтобы пояснить, как ему не даётся произношение и как очень нужен язык.

Доводы были убедительные, и мы подумали о том, что этот белообрый парнишка непременно станет дипломатом.

Была в его рассуждениях о будущем такая уверенность в своих силах, которая хотя и рождена была нашими широко открытыми дорогами в жизнь, а всё же обращала на себя внимание и запоминалась. Не даром мы вспомнили Прокофия Георгиевича спустя некоторое время, разговаривая уже со взрослыми колхозниками артели «Первое Мая» о возможностях соединения двух рек для строительства на них более мощной электростанции. Но о ней потом.

Лошадь, почуяв полную свободу, перестала бежать даже ленивой рысцой и плелась, как говорят, задевая ногой за ногу. Прокофий Георгиевич заметил это, деловито передвинул свою кепочку с затылка на нос, от чего лицо его снова приняло сердитое выражение, и дёрнул вожжами.

За поворотом дороги в створе расступившихся сосен мелькнула красная железная крыша МТС.

* * *

Кто-то нам сказал однажды, что Кичменгский-Городок построили в старину беглые люди. Не знаем, так ли было на самом деле, но некая правда в рассказе есть. Место это при слиянии двух быстрых лесных рек—Кичменги и Юга—лежит очень далеко от больших дорог и судоходных рек. Сюда забежишь—так тебя не только не разыщут, а ты и сам отсюда не выберешься. Дремучие леса да болота, как в сказке, преграждали путь в городок.

Однако это было давно, и о прошлом здесь помнят только старики.

Сейчас район связан автомобильным трактом с Великим Устюгом, от которого до Котласа ходят пароходы.

Мы проехали по высокому мосту и через полчаса остановились перед двухэтажным деревянным зданием Дома крестьянина.

За эти полчаса мы увидели здания с вывесками— Районная больница, Сберегательная касса, Государственный банк, Редакция газеты, Дом культуры, Ветлечебница, Райком и Райисполком, Почта—и ряд магазинов.

Было немного странно видеть, как к большому особняку райкома и райисполкома сзади вплотную подступало пламя пшеницы. А за банком, горбольницей и даже перед ними стояли мощные суслоны ржи, выстроившиеся рядами.

Районный центр очень похож на село и город одновременно. Нам отвели номер, мы поставили чемоданы и пошли в райисполком.

Уездная глухомань

До революции, как и вся Россия того времени, Кичменгско-Городецкий район считался сельскохозяйственным. Малоземелье, безлошадность, бесправие и нищета были основными спутниками жизни крестьян.

Мужицкие земельные наделы составляли только 30% общей пахоты. 70% остальной земли принадлежало казне, уделу и церквям.

Крохотные клочки земли не могли прокормить большие крестьянские семьи. Если вспомнить ещё, что 799 хозяйств не имело лошадей, то не трудно догадаться, почему люди зачастую бывали вынуждены сдавать землю в аренду.

Косилки имущих справлялись с сенокосом. Сено успевали высушить и благополучно убрать. А крестьянин, мобилизовав все свои домашние силы, от малого до старого, работая с раннего утра до позднего вечера, едва мог скосить свой клочок, но скосив, часто не успевал высушить траву, ибо хорошая погода никогда не стояла целое лето и сменялась дождливой, во время которой гибло всё сено.

Но бывало ещё хуже.

Осень. Рожь благополучно сжата. Нива покрыта рядами суслонов. Зерно проветривается. Наступает пора свозить их в овины, а тягла нет. Проходила неделя, другая, вплоть до самых дождей. И получалась печальная картина—рожь уродилась хорошая, сжали её в срок, а крестьяне опять без хлеба: он гнил на полосах под осенним бесконечным дождём.

«Что недород, что урожай—всё одно»,—говорили люди. Никому и дела не было, чтобы им помочь. Серп, коса, плуг и цеп являлись основными орудиями производства. Даже простейших сельскохозяйственных машин насчитывались единицы. Разве могло быть достаточно 6 сеялок, 2 жнеек, 24 сенокосилок и 113 ручных молотилок в жизни 9278 хозяйств?

Разорённые и обездоленные крестьяне центральных губерний России уходили, например, в города, поступали на промышленные предприятия.

Но возможности тогдашнего кичменгско-городецкого населения были ещё хуже. В какой город мог пойти здешний крестьянин, когда каждая близлежащая деревенька считала другую краем света? Отрезанные не только от мира, от Родины, но даже от уездного Никольска, люди, конечно, знали, что где-то далеко-далеко есть большие города и селения, но сами в них не бывали и не мечтали быть.

Своей промышленности не существовало, за исключением водяных мельниц и конных маслобоек. Поэтому три четверти хозяйств из-за малоземелья занималось в одиночку кустарными ремёслами по удовлетворению нужд местного населения. Прimitивные кузнечно-слесарные, сапожные, гончарные, швейные предприятия приносили очень скудный доход. 80 рублей в год зарабатывал кустарь. Как хочешь, так и живи.

Поражает и другое. В краю, затерянном в лесном океане, почти не было лесозаготовок. И даже больше того. Бывали случаи, когда мужицкие хозяйства оставались на зиму без дров.

Просматривая документы дореволюционного времени, прямо глазам не веришь, что крестьян судили, облагали непосильным штрафом только за то, что они посмели взять в руки топор и пилу и попытались заготовить не-

обходимое для своего двора количество леса, которому здесь ни конца, ни края.

Беспросветная нищета и голод порождали болезни. Рожка, дифтерия, оспа, брюшной и сыпной тифы, дизентерия, или, как прежде называли, кровавый понос, свирепствовали среди населения.

Одна больница на 16 коек и 4 фельдшерско-акушерских пункта с одним врачом, с восемью фельдшерами и двумя акушерками,—чем могла помочь такая медицина? При чём лечение было платным.

О ветеринарных пунктах после этого и говорить не приходится. Имелся один с одним ветфельдшером, да и тот никуда не годился.

Больше всего радел крестьянин о здоровье скота—единственной своей опоре. Но болезни кочевали из одной деревни в другую, не затухая. Выпадали годы, когда вымирание скота принимало массовый характер.

В бывшей Вологодской губернии вообще не было ни одного благополучного в этом отношении уезда, о чём наглядно рассказывают сводки, которые ежемесячно помещались в «Вологодских губернских ведомостях».

О здоровье деревенской бедноты власти не горевали. Но возникавшие эпизоотии среди скота, видно, иногда волновали их. Не на чём же тогда будет наживать капиталы! Правда, беспокойство ограничивалось только обсуждением вопроса, напыщенным равнодушным решением, которое, не увидев света, чиновники хоронили в дебрях канцелярий.

Всё местное здравоохранение того времени было отдано на откуп знахарям и богу.

В темноте и невежестве прозябали крестьяне. Попы 35 церковью одурманивали трудовой народ.

С нескрываемой завистью к советской молодёжи рассказывал нам много поживший, ныне знатный человек района, о своей юности.

— Школ не было,—говорил он.—Была одна в уездном городке Никольске, да и та за 80 верст от наших мест. Вот отцы, бывало, соберутся, пораскинут мозгами и решат: «Сиди-ка, сынок, дома. Не до учения, сам видишь...».

Проходили годы, десятки лет. Отцы умирали, старели дети и так же определяли судьбу уже своих сыновей.

Правда, в селе Кичменгский-Городок имелись одна церковно-приходская школа и министерское училище с пятью учителями, но в них не могла попасть не только беднота, но и дети среднего крестьянства.

Отсюда опять цифры: в 1913 году в районе из 22819 мужчин насчитывалось грамотных всего 10071, а из 23041 женщины—только 1159. Но какой примитивной была эта грамотность!

Отсутствовала почта.

— О парикмахерских и клубах никто и не думал,— вспоминает Илья Александрович Попов, учитель начальной школы при Плосковском сельсовете.

Дорог не строили. Ни жара, ни мороз не выручали: летом—трясина, зимой—«чортовы рвы»—огромные не замерзающие впадины.

Нелёгкую лямку тянули люди. И пожаловаться-то некому было. В Никольск не доберёшься, а решишься, так в пути помрёшь. Положим, даже добрался до Никольска, но какой толк? Да, там бывали так называемые сессии уездных земских собраний. Проходили они серо, тускло, без всякого интереса к сельской жизни, в то время как население несло невероятные тяготы земского обложения: 25% с доходного рубля.

Единственным близким центром был Кичменгский-Городок, состоявший из 42 семей, со 102 жителями. Но известно, что одну часть этого населения составляли семьи духовенства, другую—земский начальник, пристав, урядник и местные купцы. На интеллигенцию приходилось не более 10 человек.

Пять церквей, два кабака и два ряда торговых лавочек—вот и всё, что считало нужным создать царское правительство в уездном центре Кичменгском-Городке. Лишь Октябрьская революция изменила жизнь Кичменгско-Городецкого уезда.

Новая жизнь

Не надо было искать людей, которые могли бы рассказать о новой жизни района. Она заявила о себе при знакомстве с пятнадцатилетним Прокофием Георгиевичем, мечтающим поступить в Институт международных отношений, привлекла внимание названиями предприя-

тий и учреждений, когда мы въезжали в Городок, напоминала сигналами автомашин.

Возле Дома крестьянина всегда народ. Люди сидят на узлах, на чемоданах. Те, которые палегке, прохаживаются около. Некоторые из них, присев на скамейку, читают газету или курят.

Рядом, при входе в Дом, висит фанерный щит, на котором масляной краской обозначено время отправления грузотакси в Великий Устюг и цена за проезд. Такси ходит два раза в день, плата доступна каждому.

Дороги теперь не те, что до революции. На них проведены большие строительные работы. Полотно покрыто гравием, булыжным камнем и торцовой мостовой. Через речки, чортовы рвы почти везде построены крепкие мосты. Строящаяся сейчас автомобильная дорога на участке Бакланово, так называемая Баклановская автодорога, охватит лесной массив в среднем течении Кичменги с вывозкой до миллиона кубометров древесины.

Дорожный вопрос был и остается одним из основных вопросов в развитии района. Поэтому из года в год повышаются средства на строительство. 51 тысяча рублей, например, потрачена в 1947 году.

Связав себя не только с областью—с родиной, с миром, район быстро вырос во всех отношениях, и от когда-то «медвежьего угла» не осталось теперь и помина.

В районном центре есть Дом культуры. При нём библиотека в 27 тысяч томов.

Посреди просторной комнаты, во всю её длину широкий стол, покрытый красной материей. На столе бегают солидные прямоугольники подшивок, пестреют разноцветные обложки тонких журналов — «Крокодил», «Пионер», «Смена», «Огонёк», «Затейник», «Знание и сила», «Молодой колхозник». На самом виду доска, которая сообщает, какие журналы вообще выписывает библиотека. На ней, кроме вышеперечисленных, значатся: «Большевик», «Партийная жизнь», «Советская книга», «Культурно-просветительная работа», «Новое время», «Наука и жизнь», «Работница», «Крестьянка», «Вокруг света», «Библиотекарь», «Колхозное производство», «Дружные ребята», «Вожатый», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» и «Звезда».

Особенного здесь, конечно, ничего нет. Но когда вспомнишь о тяжёлом прошлом кичменгско-городецких людей, то невольно замечаешь всё, что принесла им новая советская жизнь.

А принесла она в первую очередь бесплатное обязательное обучение для всех. В районе сейчас 94 школы: 2 средних, 13 семилетних, 79 начальных, которые имеются при каждом сельсовете. Не надо теперь ходить крестьянским детям за 80 километров в Никольск. Рядом с домом, на глазах родителей, учится ребёнок, чтобы стать сознательным и полезным гражданином своего отечества. И уже не мало здешних уроженцев—врачи, агрономы, учителя, специалисты различных отраслей промышленности—вышло на большую дорогу жизни. Среди них профессор Попов, артист Большого Академического театра СССР Ершов и пять Героев Советского Союза.

Жажда больше знать отличает сегодняшних людей. 680 читателей насчитывает сейчас районная библиотека. Стихи Пушкина, Лермонтова и Некрасова, повести Гоголя, «Война и мир» Толстого, романы Достоевского, Тургенева, Гончарова, рассказы Чехова, Куприна, произведения Горького и Маяковского значатся в читательских формулярах.

Опираясь на актив, работники библиотеки проводят обсуждение книг советских писателей, удостоенных высокого народного признания. Так, например, подверглись разбору «Люди с чистой совестью» Вершигоры, «Белая берёза» Бубённова, «В окопах Сталинграда» Некрасова, «Спутники» Пановой, «Счастье» Павленко и другие.

Заведующая библиотекой рассказала нам, что после обсуждения той или иной книги выделенные товарищи направляются на предприятия, в организации и учреждения для дальнейшей пропаганды произведений среди массового читателя. В дальние сельсоветы посылаются небольшие библиотечки-передвижки. Колхозник может не только найти полезную книгу, но и прочесть о ней критические отзывы, так как вместе с книгой посылаются газеты или журналы, в которых они напечатаны.

— С какого-то времени стало нехватать книг,—услышали мы позднее от заведующей.—Только получишь что-либо новое, уже очередь.

Насколько выросла культура населения, можно судить хотя бы по такому примеру.

В деревне Васильево, расположенной на расстоянии 12 км от райцентра, живёт колхозница Анна Павловна Коряковская. За годы советской власти она постигла грамоту. Перечитав всю художественную литературу, которой располагает колхоз, она этим не удовлетворилась. Часто Анна Павловна появляется в библиотеке Дома культуры, где она числится на протяжении нескольких лет активной читательницей. Ни мороз, ни жара, ни даже расстояние от деревни до Кичменгского-Городка не останавливают пожилую женщину. Многие русские и западные классики—её любимые писатели.

В Доме культуры имеется также стационарная звуковая киноустановка. Шесть киноустановок, из них две звуковые, обслуживают колхозы.

Художественной самодеятельностью руководит местный житель Георгий Фёдорович Лёгкий. Регулярно работают 34 драмколлектива, хоровые, музыкальные и танцевальные кружки.

Кроме того, в районе построено 5 сельских клубов, радиофицированных приёмниками «Родина», организовано 4 крупных библиотеки, 27 изб-читален. 291 тысяча рублей ассигнована в 1948 году на культурные нужды района.

Вечером мы сидели в квартире местного художника Кузнецова. Он показал нам свои последние работы. Здесь были копии с картин Шишкина, Левитана, Айвазовского, были и оригинальные лирические этюды, пейзажи родной природы, портреты знатных земляков. Всё это произвело на нас большое впечатление.

— Вам обязательно надо ехать учиться в город.

— Зачем?—спросил художник.—Около семи лет я прослужил в рядах Военно-Морского флота—на Балтике. Когда демобилизовался, передо мной встал вопрос, где поселиться—в Ленинграде или в другом городе. Важно было не только выбрать место жительства, но и определить роль свою в послевоенной жизни, так как, став инвалидом, я понимал, что не каждая работа придётся мне по плечу. Прикидывал, прикидывал и, ничего не решив, поехал к жене в Кичменгский-Городок, чтобы по-

думать об этом вместе. С тех пор и живу здесь и никуда не собираюсь уезжать...

Художник, чиркнув спичкой, прижѐг потухшую папиросу, после чего продолжал:

— Я давно занимаюсь живописью, с юных лет. Начал самоучкой. Потом достиг среднего художественного образования. Находясь в Кичменгском-Городке, я видел, как возвращались мои боевые товарищи и сразу же брались за дело. Вскоре они добивались значительных успехов на новом фронте—трудовом. Тогда у меня и возникла мысль запечатлеть в картинах, в портретах, в зарисовках нынешний день района...

— В каком бы краю советской страны ни трудился человек, он трудится на свою родину. Один, предположим, работает в столице, другой—в отдалѐнном районе. И мне, например, хочется, чтобы наш район рос не только в экономическом отношении, но и в культурном. Хочется, чтобы в нём были свои художники, писатели, артисты. Все условия для этого есть...

Мы долго ещё беседовали с ним. Художник посвятил нас в свой замысел создать цикл портретов передовиков сельского хозяйства, познакомил с последней своей картиной «Агитатор на полях». От полотна веяло радостью свободной жизни, крепкой верой в светлое завтра.

Да, ничего общего не имеет крестьянин дореволюционного времени с нынешним крестьянином-колхозником.

Труд колхозника превращѐн в разновидность индустриального труда. В районе 259 колхозов. Обслуживают их три МТС с мощным тракторным парком, с 26 комбайнами, сложными молотилками, сеялками и другим сельскохозяйственным инвентарѐм. Имеются также одна МТМ и три передвижных машинно-тракторных мастерских.

На основе коллективизации и механизации крепнут колхозы, из года в год увеличивая размеры пашни и сенокоса. Значительно выросли посевы зерновых, льна, огородных.

Прежде не сеяли яровую пшеницу на северных землях. Но кичменгско-городецкие колхозы подхватили совет С. М. Кирова и сейчас успешно её выращивают, снимая большие урожаи.

Не было и травосеяния. Нынче покосная площадь

многолетних трав с корнеплодами достигает 2409 гектаров.

Когда-то, очень давно, во времена прадедов и дедов, на югских землях выращивались высокосортные льны. Но жить становилось всё тяжелее и тяжелее, и местному крестьянину стало не до них.

Сейчас советские люди успешно восстанавливают былую славу знаменитых югских льнов.

Есть в районе и семеноводческие хозяйства, обеспечивающие колхозы области отборными семенами.

Растут ряды стахановцев полей и животноводства.

За годы сталинских пятилеток в районе колоссальных ресурсов широко развернулась не только кустарная, но создана и заводская промышленность, имеющая большое государственное значение.

Три льнозавода, два крахмально-паточных, 15 маслобойных и строящиеся 3 крупных механизированных предприятия,—всё это результат 30-летнего существования советской власти.

Огромное развитие прежде всего получили лесозаготовки и лесохимия. Они составляют три четверти всей промышленности. 6 лесохимических артелей ежегодно дают продукции 800 тонн, а пять лесопильных установок—три тысячи кубометров лесоматериалов.

Нельзя опять не привести несколько цифр, характеризующих значение кичменгско-городецкой промышленности. Возьмём хотя бы маслозаводы. За 15 лет своего существования они дали государству 215400 пудов сливочного масла. В годы Отечественной войны направили 100 вагонов его защитникам родины. Леспромхоз, объединяющий 9 лесопунктов, за это время дал стране свыше 10 миллионов кубометров древесины.

На 12 миллионов рублей различной продукции работала промышленность района в 1948 году.

Широко развернулась работа и органов здравоохранения.

Ещё при приезде мы узнали, что за несколько минут до нашего прибытия выехал в Вологду главный врач районной больницы Бушманов. Больница, в которой он работает, построена его отцом-фельдшером. Сейчас это настоящий лечебный городок с рентгеновским, гинекологическим, зубоврачебным кабинетами, с зубопротезной

мастерской, двумя диагностическими лабораториями и санитарно-эпидемиологической станцией.

Вообще в районе 5 больниц, 2 родильных дома, 34 медицинских пункта, которые имеются при каждом сельсовете и лесопункте. Имеются детская и женская консультации, малярийный и туберкулёзный пункты. 15 врачей, 50 фельдшеров, 32 акушёрки и 30 медсестёр стоят на страже здоровья трудящихся.

Само население теперь стало заботиться о предупреждении заболеваний. Когда люди не знали, откуда появляются и как передаются заразные болезни, они не умели уберечься от них. Только широкая просветительная работа среди населения научила людей бороться с заразными болезнями. Только в корне изменённые условия жизни и борьба за культуру, за здоровый культурный быт, развёрнутые советским правительством и большевистской партией с затратой в районе ежегодно 7 миллионов 222 тысячи рублей сыграли и играют решающую роль в деле полного прекращения заболеваний среди тружеников деревни.

Радостна и светла новая жизнь людей. Куда ни помотришь, всё говорит об этом.

Степан Фёдорович Волокитин

— Научная сила в строительстве нашей электростанции не участвовала,—сказал Волокитин, когда речь зашла о колхозной ГЭС.

Мы удивились, но потом, когда узнали его поближе, поговорили с людьми колхоза о нём, нам стало ясно, как это без участия «научной силы» была выстроена станция. Но удивление наше, тем не менее, осталось, удивление перед государственным умом, мужицкой смекалкой и талантом человека, зашедшего к нам на следующее утро в Дом крестьянина.

Если можно посмотреть на человека и сказать: вот это идёт хозяин, то при взгляде на Степана Фёдоровича вы сразу так подумаете о нём. Крепостью и силой веет от плотной, чуть осевшей от возраста фигуры. Спокойное, гладко выбритое лицо, русые усы скобкой, немного усталые, цвета осеннего неба, умные, изучающие глаза.

Одет он чисто и просто, так, чтобы удобно было пройти по полю проверить хлеба и в таком же виде зайти на пленум райкома. Высокие юфтевые сапоги, чёрные галифе и защитный китель с отложным воротником. Из-под клапана левого кармана кителя рубиновым язычком вскинулся угол депутатского значка. Он депутат Верховного Совета СССР с 1946 года.

— Стало быть, вы хотите посмотреть на нашу станцию и колхоз? Просим, просим. — Голос у него густой, негромкий, и он, видимо, чувствует себя не совсем свободно. Но вскоре эта неловкость исчезает, когда мы переходим на разговор о погоде, урожае, Ленинграде.

Сразу выясняется, что Волокитин не любит откладывать дело в долгий ящик. Не успели мы разговариваться, как к Дому крестьянина подкатила вторая тележка, которую попросил для нас Степан Фёдорович у местного военкома.

Пока мы ехали по городку, Волокитин раза два останавливал свою лошадь, чтобы поговорить с районными работниками. Почти каждый встречный кивал ему головой, его знали здесь все.

На севере в конце августа солнце светит не жарко, и редко выдаются такие дни, в какой мы выехали из городка.

В такой денёк хочется погреться на солнышке, и недаром, когда мы подъехали к переправе через Юг, паромщик, устроивший себе что-то вроде кресла из тачки без колеса, даже не проснулся; он был в валенках и ватной фуфайке, его, видимо, сильно пригрело.

Степан Фёдорович попросил не будить паромщика. Мы ухватились за трос и поплыли по реке, а паромщик спал, подставив солнцу рыжую небритую бородёнку и подошвы валенок.

За рекой начинается лес. Дорога поросла травой, и только колеи, рельсами убегające вперёд, отличают её от просеки.

Степан Фёдорович изредка потряхивает вожжами и раздумчиво вспоминает:

— Учился я всего три зимы в Плоскове у попа. Строгий был поп...

Он умолкает, закуривает папиросу и щурит глаза, будто всматриваясь в далёкое прошлое. В усах его вдруг

мелькает улыбка, очевидно, ему вспоминается какое-то удачное мальчишечье озорство.

В это время впереди с тяжёлым шуршанием с дороги поднимаются два глухаря и, отлетев в сторону, спокойно рассаживаются на берёзах.

Все трое вслух мы сожалеем о том, что у нас нет под рукой ружья, и, когда, наконец, прерванный разговор возобновляется, Волокитин продолжает:

— «Учиться дальше у нас из деревни ребят не отправляли. Отцы говорили: «За кокорой ходить грамоты большой не требуется». Ну, вот на этом и кончилось моё школьное образование...

Со вспугнутыми птицами улетело далёкое воспоминание, картинка детства.

— Начал я работать дома в поле по хозяйству. Хотя грамота для того, чтобы ходить за кокорой, не нужна была, но физическая сила требовалась большая. Кокора—это берёза, вывороченная из земли с корнем. Корень служил лемехом. Вот таким пнём берёзовым и обрабатывали до революции землю. Я был молод, силёнки в руках нехватало, так привязывали для меня к ручкам кокоры полотенце, а потом я надевал его на шею, как хомут, и таскал на себе кокору за лошадью. Труд, сами представляете, какой тяжёлый, если с появлением в деревне сохи стали говорить: «Теперь пахота не работа, а отдых».

За разговором мы выехали из леса.

— А вот и колхоз наш начинается, деревня Коряковская, но мы поедem дальше: правление—в Буртанове.

По правой стороне дороги стоят крепкие пятистенки. На одном из них вывеска: «Начальная школа». Перед школой—спорт-городок, шести, кольца, турник, бум.

По левой стороне дороги среди густой тёмной зелени вспыхнули, словно рассыпанные по земле, золотые искры. Это солнце отражается на рамах теплиц овощного хозяйства. Степан Фёдорович ручкой погонялки показал нам за огороды:

— А вон там, видите, деревня тоже нашего колхоза—Ворово. У нас семь деревень в колхозе, ещё есть Малое Бараково, Малое Буртаново, Север и Сергеево.

За Коряковской дорога поворачивает круто влево, и мы выезжаем на пшеничное поле. Оно захлёстывает

громадный холм. Ветерок, охватывая его, гонит к вершине темнорыжую волну.

Волна катится, оставляя за собой светлую полосу, чистую и ясную, и замирает на гребне, так и не долетев до синего августовского неба, потому что дальше начинается пологий обратный скат, и с него видны уже все остальные деревни колхоза, поля, леса, а среди густого тёмного ольшанника да ивняка в лощине белеет новая тесовая крыша электростанции, и шумит в плотине река Курдинга.

Десять лет назад

По вечерам над колхозом «Первое Мая» зажигается алая звезда. Смастерил её механик колхоза Колька Марков. Лист фанеры, кусок кумача и лампочка в двести свечей никогда не производили такого впечатления на людей, как в тот осенний вечер, когда Николай убрал лестницу от здания правления.

Казалось, взошло над землёй новое светило, такое, что стало видно далеко вперёд и назад по жизни. Люди глядели друг другу в глаза и вспоминали год за годом жизнь свою, жизнь своего колхоза. Они как бы восходили по ступеням всё выше и выше. А вспомнить было что... В 1937 году крупнейший колхоз района, имеющий 600 гектаров пахотной земли, захирел. Нерадивые руководители расшатали дисциплину, подорвали хозяйство. Колхозники бросали артель, уходили из неё. Надо было принимать срочные меры, спасти хозяйство, укрепить в людях веру в колхоз, надо было поставить его на ноги.

На общем собрании первомайцы решали судьбу артели. Выбирали председателя, человека, который смог бы повести за собой людей и наладить сложное колхозное производство. Доверие и уважение народа завоевываются постепенно, изо дня в день, из года в год.

В деревне, где люди знают друг о друге всё вплоть до того, о чём по вечерам за самоваром беседуют муж с женой, трудно было бы найти более уважаемого человека, чем Степан Фёдорович Волокитин. Вся жизнь его была у них на виду вот так, как и он сам, вставший у стола президиума, плотный, крепко сбитый, может быть, чуточку растерявшийся от всеобщего внимания. Застен-

чивая улыбка мелькнула от светлых добрых глаз и пропала в дрогнувших, выгоревших на солнце усах. Степан внимательно оглядел колхозников—пахарей, плотников, скотниц и жниц, уже уставших от непривычного заседательского дела, жары и духоты, и сказал просто, но твёрдо, так, что в горнице на миг стало прохладно:

— А будете меня слушать?

И были в этих словах не только согласие на председательство, не только твёрдое обещание поставить колхоз на ноги, а главное обращение к каждому человеку:

— Будешь ли ты сам честно работать на своём посту?

— Будем, — сказали колхозники. — Будем работать каждый, как следует!—прозвучал их ответ.

На следующий год, когда рябины выкинули свои кумачные флаги, как сигнал о наступающей осени, а в календаре ещё висели листки последнего летнего месяца, первомайцы в числе первых по району закончили сдачу хлеба государству.

На трудодень они получили хлеба в полтора раза больше, чем в предыдущем году. Это была ещё небольшая победа, но этого было достаточно, чтобы люди, ушедшие из колхоза в трудный год, на следующую осень пришли проситься в него снова. Про колхоз в районе перестали говорить, как про захудалый. В нём появилась твёрдая хозяйская рука.

Самое опасное положение создавалось зимой на животноводческой ферме. Да и что эта была за ферма, от которой ни молока, ни мяса, ни копейки дохода колхозу? Отощавшие голодные животные обречены были на гибель: уже к февралю не оставалось ни клочка соломы, не говоря уже о сене. Из починка Беляевки, из других деревень соседнего района доставали солому. На корма экономили каждую конейку. Общественный скот был спасён, а к следующей зиме кормов уже заготовили вдоволь.

Председатель изучил всё своё хозяйство, учёл всё до мелочей, подобрал кадры. Колхозная агротехника заставила землю увеличить урожай, 5 полевых севооборотов было введено в артели. Во всех севооборотах было

решено ежегодно подсеивать 65 га клевера, чтобы восстановить плодоносящие силы истощённой почвы.

Во многом тут помогли минеральные удобрения, их начали применять также по инициативе Волокитина.

Степан Фёдорович часто бывал в райцентре, беседовал с агрономом, внимательно выслушивал его советы и в точности их выполнял. Постепенно, незаметно для себя, изо дня в день колхоз креп, становился колхозом не хуже других.

А когда заговорили так о колхозе, народу стало ясно, что не было посторонних причин, которые мешали бы им наладить жизнь.

Сравнивая недавнее прошлое с настоящим днём, люди думали—вот организованности, порядка стало больше. Случилась зимой беда со скотом, но всё было сделано для того, чтобы ликвидировать эту беду. Сами за пятьдесят километров за соломой ездили, не растерялись. Начался сев—посеяли во-время. Во-время и собрали, наряды бригады выполняли точно, кстати сказать, бригады подобрались знающие хозяйство и болеющие душой за дело.

А почему же раньше не сумели подобрать таких бригадиров не могли в тяжёлые моменты приложить все силы для устранения трудностей? И в ответ на эти вопросы звучит имя председателя колхоза. Имя это всё чаще стало упоминаться в разговорах, в поле, дома, при встречах с соседними колхозниками.

У Степана Фёдоровича появился деловой авторитет, авторитет, завоёванный не речами на собраниях или завалинке правления, а в поле, на току, на ферме. Авторитет вожака колхоза.

На сельскохозяйственной выставке

В избе на стене, в деревянном багете под стеклом, среди семейных фотографий висит одна групповая. Так снимаются люди из районов, прибывшие на совещания. Женщины в платочках углом, мужчины в косоворотках и тяжёлых сапогах—человек двадцать. Торжественные строгие лица, чувствуется сразу, что эти люди редко снимались и если позируют перед объективом, то для потомства.

С правого края на скамье, положив на колени тяжёлые руки, смотрит с фотографии сам хозяин избы. Поверху фотограф написал: «Экскурсанты на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке», но он неверно сделал такую надпись на снимке. Это вовсе не экскурсанты—люди, прибывшие просто посмотреть выставку. Надо было надписать карточку так: «Слушатели Всесоюзной сельскохозяйственной выставки». И это было бы правильно.

«Сила колхозного строя демонстрируется этой выставкой с исключительной убедительностью, а тысячи её образцов, представленные здесь всеми республиками, краями и областями, дают представление о бесчисленных богатствах сельского хозяйства Советского Союза, об его исключительном разнообразии, неуклонном подъёме и великих творческих силах. Наша выставка не только даёт итог побед, но и является мощным призывом к дальнейшему подъёму сельского хозяйства, к новым славным победам социализма».

Так сказал в своей речи при открытии выставки 1 августа 1939 года Вячеслав Михайлович Молотов.

Действительно, каждый павильон выставки—это наглядное пособие.

Из далёких краёв и областей приезжали сюда, чтобы научиться побеждать в борьбе за хлеб, лён, хлопок, за богатую колхозную жизнь.

Степан Фёдорович был на выставке шесть дней. Однажды их группу подвели к белому квадратному кирпичному дому на берегу речки. Большое окно во весь фасад, лёгкие колонны, поддерживающие продолжение крыши дома, образующей навес перед входом, и слова, высеченные на фасаде, как призыв: «Широко развернуть строительство мелких колхозных гидростанций».

Экскурсовод остановил группу и привычно торжественно произнёс:

— Колхозная автоматическая гидростанция!

Шумела на плотине вода, на противоположном берегу покачивал зелёными кронами парк, в глубине водохранилища плыли лёгкие белые облака, над ними струилось синее тонкое марево жаркого июньского дня, и Степану казалось, что это не речка Каменка бежит перед ним, а Курдинга.

За шесть дней он четыре раза побывал на Каменке. Первый курс факультета по строительству колхозных гидроэлектростанций был здесь кончен.

Волокитин ходил, смотрел, расспрашивал, запоминал.

Экскурсовод рассказал, что речка Каменка была раньше запущена. По берегам росли камыш, осока. Речку расчистили, построили на ней плотину, и уровень мелководной речушки поднялся на высоту четырёх с половиной метров.

Степан вспоминал Курдингу, сравнивал её с Каменкой, прикидывал,—выходило, что и плотину у них тоже надо было строить, примерно такую же.

Его интересовало всё—от количества кубометров вырытой земли, от числа забитых свай до турбинной камеры, колодца, где прямолинейным движением падающей воды вращаются турбины. Он измерил шагами путь реки от плотины до устья, осмотрел берега вверх по течению, спускался к воде.

Берега перед плотинной были прочные, наиболее крутые, и для него было ясно без объяснений, почему именно здесь была поставлена плотина.

Рядом с машинным отделением электростанции был павильон, где всегда толпился народ; здесь сила реки Каменки, обращённая в голубую энергию, двигала сита веялок, крутила триер, молотилку.

Управление агрегатами было автоматизировано. Стоило нажать кнопку, чтобы пустить в ход или остановить тот или иной агрегат.

Некоторые колхозники смотрели на автоматическое управление, как на вещь интересную, но вовсе не обязательную: проще и надёжнее оно без кнопок-то.

А при осмотре микроэлектростанции, которая давала свет среднему по величине колхозу, кто-то из экскурсантов сказал, как будто подслушав мысли Степана:

— Что свет! Один свет—вещь не больно завидная, не главная. Надо, чтоб электричество в колхозе работало.

Мечта

Собственно с этой мысли заставить работать на колхоз реку Курдингу и возникла у Волокитина мечта о постройке гидроэлектростанции. На выставке он как бы увидел свою мечту наяву и окончательно уверовал в неё.

Мечта...

О чем мечталось плосковскому мужику до колхоза?

Уж, конечно, не могла зародиться у него мечта об электричестве на полях, когда трактор впервые появился на них только в 1934 году. «Да и теперь ещё, пожалуй, назовут меня мужики чудаком»,—думал Степан и, пока не наладилось окончательно хозяйство колхоза, никому не говорил о своих замыслах.

Ещё не привыкли мечтать люди в колхозе.

Но в 1940 году, когда стали жить богато и уже не приходилось на правлении с трудом выкраивать из бюджета средства для затычки прорех, когда колхоз прочно встал на ноги, разговорился Степан Фёдорович с приезжим из района работником, заведующим земельным делом.

Начал издалека.

— Вот хлеба у нас нынче уродилось вдоволь. Повеселел народ, патефоны и велосипеды покупает. Агротехника на нас работать стала, травопольные севообороты ввели, чёрные пары, минеральные удобрения. Земля в таком случае не может не рожать—обязана. Одним словом наука на нас работает и опять же машины в колхозе, трактор. Техника... А вот природные силы-то мы ещё не используем. Гляжу я на свою речку Курдингу. Вы не смотрите, что она маленькая,—силища в ней огромная заложена. А как эта сила направлена? Всего-на-всё крутит река два жёрнова.

Так говорил он о силе, ещё не решаясь произнести слово «электричество».

Произнёс он его, только когда заговорил о книжке, где вычитал о кашинских мужиках, построивших в 1920 году электростанцию.

На пуске этой первой в России сельской электростанции присутствовал Владимир Ильич Ленин.

И, когда загорелась на улице лампочка, кто-то из мужиков сказал про неё так, что стало слышно на всю Советскую Россию: «Лампочка Ильича».

Агроном, радостный, любящий своё дело и землю человек, слушал Волокитина и вспоминал слова Владимира Ильича о самой чудесной в мире силе—силе рабочих и крестьян—так назвал её вождь в одном из своих выступлений на митинге в годовщину Советской власти.

Собственно эта самая чудесная в мире сила и есть главная, среди всех поставленных на строительство новой жизни, думал агроном, глядя на Степана.

Многое в этот день рассказал он Волокитину. Всё, что знал он о постройке гидростанции, с радостью выложил жадному до знаний собеседнику. Обещал высчитать по формулам, как только будут собраны данные исследования, проектную мощность будущей ГЭС.

Потом они спустились под горку к реке, постояли около голубой заводи водохранилища, прошли вниз по течению к устью, бросали в воду ветки, смотрели, как стремительно уносит их речонка, заходили в воду, благо вся речушка была не выше колена. Какой-то белоголовый мальчонка, ловивший пескарей руками, бросил своё безрассудное занятие и долго смотрел на странное поведение двух больших, грузных мужиков, смотрел и не заметил, как высоко завернутая штанина соскользнула с колена и заполоскалась в воде...

* * *

Война помешала осуществлению многих планов, в том числе и постройке электростанции. Все силы колхоза необходимо было напрячь для помощи фронту.

Мужчины ушли на войну. Лучшие лошади были отданы армии. Несмотря на это, колхозное хозяйство не только не пошатнулось, а благодаря мобилизации всех сил и умению людей расширилось и окрепло.

Перелог—это запущенная, не разработанная земля. Первомайцы обработали перелог, и посевная площадь увеличилась, они смогли больше собирать и сдавать хлеба государству.

23 тысячи пудов зерна сдали за время войны первомайцы, валовой сбор его к концу войны в колхозе вырос по сравнению с довоенным в полтора раза.

Начиная с 1942 года колхоз увеличивает посевы картофеля с 5—10 га до 34 га к 1944 году.

В этом тоже сказался хозяйский расчёт председателя.

Известно, что с гектара земли собирается в среднем 10 центнеров зерна, а картофеля с этого же участка можно собрать в десять раз больше.

Но дело не только в том, что картофель доходнее, чем зерновые. Степан Фёдорович учитывал, что высеянные по картофельному полю зерновые дают вдвое боль-

ший урожай. На бывших картофельных участках в 1944 году было собрано по 25 центнеров ячменя с гектара.

Но в 1943 году картофель поразила болезнь с не русским названием—фитофтора. Фитофтора—это грибок. Клубни, им поражённые, покрываются ржавчиной, лишаями и гибнут. Очень трудно бороться с этой болезнью.

Но колхозники её победили. Семенной картофель перебрали на зиму, отсортировали и на следующую весну высадили на новые участки. Таким образом появление фитофторы в новом году было предотвращено.

Тысячи пудов картофеля и зерна в 1943 и 1945 годах были сданы государству сверх плана.

Кстати об овощах.

В 1944 году первомайцы решили организовать овощное хозяйство. Весной 1945 года стёкла теплиц открыли дорогу солнцу к сотням тысяч зелёных ростков семенников: капусты, свёклы, брюквы. Семян от их урожая хватило на все колхозы Кичменгско-Городецкого района, а первомайцы получили 90 тысяч рублей чистого дохода. Все эти успехи—результат напряжённого труда колхозников.

Когда в войну сократился подвоз в район минеральных удобрений, были созданы бригады для сжигания в лесу сучьев. К каждому весеннему севу заготавлилось по 40—50 центнеров золы.

По санному следу вывозили на поля весь навоз,—земля получала хорошее удобрение.

В колхозе нет ни одного начинания, вспоминая о котором не называли бы имени Волокитина.

В 1942 году Степан решил заставить работать воду.

Он продумал устройство водяного молотильного тока и вместе с плотниками построил его. Мельничное колесо с помощью деревянных маховиков и шкива стало вращать не только барабан молотилки, но и пилораму.

И когда в 1945 году на собрании колхозники проголосовали за электростанцию, это значило, что молотильный водяной ток самым убедительным образом показал, как может работать в колхозе река.

За время войны Волокитин заботился не только о хозяйственных делах колхоза.

В июне 1942 года пришёл Степан Фёдорович на совещание райисполкома, где решались важные дела

района, и предложил организовать детский дом для сирот воинов, на средства колхозников.

В районе по праву называют этот первый в РСФСР инициативный детский дом Волокитинским.

Степан Фёдорович—человек большого сердца. Ни одна солдатка, пришедшая к своему председателю за помощью, не уходила, не получив её. То, что председатель не мог решить своей властью, выносилось на обсуждение общего собрания.

Так колхоз, выделив деньги, из общего фонда, помог многим семьям приобрести коров.

И когда пришли с войны солдаты, они увидели, что их семьи живут в достатке, окружённые заботой и вниманием всего колхоза.

Авторитет председателя, в это трудное время, вырос и окреп.

Строители

Недалеко от новой плотины из воды торчат потемневшие брёвна и остатки земляной дамбы. На неё уже успел пробраться ивнячок, и вся она поросла высокой травой.

Ребятишки в жаркие дни ныряют с брёвен в водохранилище, а потом скачут по дамбе на одной ноге, наклонив голову и подставив ладошку к уху, совсем как длинноногие кулички, постоянные обитатели этого угла.

Теперь, кроме ребятишек да куликов, нет никому дела до остатков старой плотины. Но, когда начали строить электростанцию, плотина и водяное колесо, что лежит на боку в мелкой воде, сослужили людям свою последнюю верную службу.

В погожий весенний день 25 апреля на берегу речки было оживлённо. Тут были не только строители во главе с бригадиром Никандром Коряковским, но и колхозники из других бригад. Всем хотелось пожелать удачи строителям при начале работы.

На берегу высились штабели брёвен. Их заготавливали всю зиму. Забрёдая по пояс в снег, как в воду, колхозники пилили мачтовые сосны, обрубали сучья, тут же окоряли.

Лесу было нужно много. Одних столбов для линии по 20—25 штук на километр, то-есть 250 столбов. А здание электростанции, а плотина, ряжи, обливка! Одним словом, уже совсем падала дорога, весенние ручьи размывали укатанное и заиндевелое полотно её, когда лесорубы закончили вывозку 250 кубометров леса.

Не мало трудней пришлось затратить и на заготовку стлани.

Восемь человек взялись за топоры и пилы.

— Им не привыкать, — говорили в народе. — Фронтовики.

Этим было сказано всё.

Немало настилов, мостов, дотов на Ленинградском, Юго-Западном фронтах построил со своими боевыми товарищами Никандр Коряковский. Весёлый, разговорчивый сапёр, он наводил переправы для советских танков в Восточной Пруссии. И танкисты хвалили его работу. Орден Красной Звезды и солдатская «Слава» украшают грудь бывалого воина.

Самый старший из бригады, Егор Коряковский, тоже был сапёром. Любая работа горела у него в руках.

Дружок Никандра, Пётр Коряковский, с которым они в детстве сидели на одной парте, служил в артиллерийском полку, остальные члены бригады — Фёдор Носков, Александр Лепихин, Василий Волокитин, Николай Макаров и четвёртый однофамилец Коряковских — Александр, — все они имеют медали за взятие городов. Большой и славный путь прошли строители первой в районе колхозной ГЭС.

На солдатских привалах думали они об этом дне. Стосковались мужицкие руки по мирной работе.

Дружно застучали топоры, запахло смолой, и желеющая щепка покрыла талую землю.

Сев был в разгаре. Степан мог только вечером забегать на строительство. Он полностью положился на коммуниста Никандра Коряковского, на его бригаду. Это были люди, которые до конца верили в мечту об электричестве, верили в её осуществление.

«Фронтовики работали без выходных. Не успеет расвестись они уже брались за топоры. В густой темноте возвращались домой.

Бабы посмеивались над строителями.

— Бросьте вы, бросьте. Такие здоровые ребята, а время проводите зря. Сеять бы лучше шли...

Но ребята продолжали неустанно трудиться.

Новое, неслыханное дело действительно всколыхнуло весь колхоз.

По-разному отнеслись к нему люди.

Одни говорили, что зря в воду трудодни бухаем.

Жили при керосиновых лампах—светло и без хлопот.

— Хорошую жизнь надо на поле делать, а не возиться в речонке. Реку, кроме как в мельничный жёрнов, не запряжешь.

Иначе думали строители ГЭС и колхозная молодёжь.

Парторг и председатель часто беседовали с народом о том, какие огромные возможности даёт использование электричества в хозяйстве.

Партия и правительство подняли деревню на такую высоту, открыли перед ней такие широкие дороги, что без механизации и электрификации теперь трудно двигаться вперёд.

Так говорили они и к примеру подсчитывали, сколько может дать экономии простая циркулярная пила или электрифицированный молотильный ток.

— Река—это же сила, запряжём её и заставим работать.

Степан рассчитывал соорудить плотину за три месяца. Практика показала, что можно и скорее.

У Никандра Коряковского возникла мысль путём соревнования сократить срок наполовину. Он знал, что товарищи поддержат. Но ему хотелось, чтобы они сами почувствовали такую необходимость, чтобы сами проявили почин.

Бригадир явился на строительство и начал издалека. Говорил он о том радостном дне, когда в колхозе появится электричество, как вскоре изменится жизнь людей, а в конце сказал:

— Да, работаем мы хорошо!..

Пётр, как и ожидал Никандр, после этой фразы выступил вперёд:

— Можно ещё лучше. Можно быстрее!

Егор Коряковский, Лепихин, Носков,—вся бригада поддержала его.

Так началось не объявленное на собрании и не занесённое на бумагу соцсоревнование.

Радостно билось сердце Степана Фёдоровича. Он никогда себя не чувствовал так хорошо, как в эти дни. «Люди, всё делают люди. Подай только мысль, они её подхватят, сами найдут пути, чтобы воплотить в дело...».

Расчёты Никандра оправдались.

Работа кипела. Сокращались сроки. Меньше становилось в колхозе неверящих.

Возвращаясь по вечерам с полей, первомайцы видели, как растёт сруб, увеличивается число бревенчатых клеток—ряжей, которые вскоре перегородили русло реки от берега до берега.

Никогда не была такой Курдинга. Текла себе да текла. Деды померли здесь, отцы прожили, а никому и в голову не приходило, что в маленькой юркой речушке таятся невиданные огонь и сила. В ней и рыба-то не водилась!..

С возведением плотины была пройдена половина пути всех работ.

На засыпку ряжей вышел от старого до малого весь колхоз. За неделю закончили земляные работы. Грунт возили на тачках. Сильно помогла автомашина. Её нагружали так, что шофёр то и дело ругал женщин:

— Эй, потише! Куда вы столько кидаете? Рессоры сдадут.

А девчата весело покрикивали, стоя у тачек:

— А ну, подбрось ещё!..

Областная контора «Сельэлектро» прислала механика Алипова для установки турбины и монтажа станции.

Установка турбины—очень ответственное дело, не менее трудное, чем постройка турбинной камеры.

Камеру строят с таким расчётом, чтобы она была водонепроницаема. С этой целью шпунты, вклиненные друг в друга брусья, забивают глубоко в землю вокруг камеры.

Нужно было сделать 120 шпунтовых свай. На выручку пришли смекалка строителей и молотильный водяной ток. На обрезном станке за два дня было изготовлено необходимое количество шпунтов, а за три—забили их вокруг колодца.

Алипов приступил к установке турбины и монтажу

станции. Николай Макаров и Василий Коряковский помогли ему и учились у него. Им предстояло стать механиками на электростанции.

Остальные члены бригады тем временем копали ямы, ставили столбы. К 27 августа от деревни до деревни протянулись провода.

И вот настал долгожданный день. Были закончены работы по монтажу, опущены в плотине щиты, готовые встретить и задержать воды Курдинги.

Степан Фёдорович и Алипов в ночь перед этим днём совсем не ложились спать. Пришедшие на плотину к пяти часам утра строители застали их в машинном отделении.

Мельник Василий Коряковский взошёл на отслужившую свою службу старую плотину и начал поднимать щиты. С шумом хлынула Курдинга, заливая землю, в новое приготовленное для неё ложе. Приподнятое торжественное настроение не покидало с этой минуты строителей весь день. Все они пришли на работу, одетые по праздничному.

Вода всё выше поднималась перед плотиной. Весело плясали над ней всплывшие золотые щепки и стружки. Через три часа они прибились к плотине и замерли, как солнечное кружево от берега до берега.

Степан Фёдорович с волнением поднял щит, пустив воду в турбинную камеру.

Алипов развернул до конца маховик регулятора, кто-то осторожно потянул шкив, и вот загудел в далёких кичменгско-городецких лесах электрогенератор, чтобы уже не смолкать никогда.

Покорённая руками человека Курдинга с этой минуты стала работать на колхоз.

Люди, набившиеся в маленькое тесное машинное отделение, смолкли, слушая рокот его как музыку победного труда, и не могли наслушаться. Они глядели друг другу в глаза с нескрываемой гордостью за себя, за свой колхоз.

Заплясали на мраморном щите стрелки приборов. Напряжённое ожидание достигло предела, и вот в лампочке сверкнула оранжевая змейка, тоненькая, слабенькая, и, наконец, белый ослепительный свет залил машинное отделение электростанции.

На улице светило яркое солнце, а этот свет, рождённый трудом людей, спорил с ним. Светилось всё, может быть потому, что все вокруг улыбались от счастья, свет усиливался.

После полудня Николай Макаров с электрическими лампочками (их пока было всего тридцать штук) прошёл по деревне в сопровождении толпы народа и ребятишек и ввёртывал в избах в патроны одну за другой новенькие лампочки. Он прошёл по деревне, и с тех пор в колхозе не гаснет электрический свет. По ночам далеко видно оранжевое сияние на холмах среди лесов и полей.

Когда говорят о деревенском мельнике, сразу представляется седой, но ещё крепкий, кряжистый дед с бородой, как выбеленный о землю заступ.

Мельница колхоза покрыта изморозью мучной пыли, въевшейся в бревна. её не сдувает ветер и не смывают дожди. Мельница отделена от машинной части электростанции только стеной. Молчат жернова в ожидании помола нового урожая. Но дверь, навешенная на тяжёлые выкованные колхозным кузнецом петли, распахнулась, и на пороге встал стройный парень в розовой рубашке и галифе, с выправкой кадрового сержанта. Он привычно стряхнул мучную пыль с ладоней, с одежды и улыбнулся.

— Вот проверяю хозяйство... Николай Макаров—мельник,—отрекомендовался он.

Мельницу с электростанцией обслуживают два человека—он и Василий Коряковский, оба и механики и мельники.

С постройкой электростанции в деревне появились профессии, которых не было в недавнем прошлом: монтёр, механик, радиотехник.

Вслед за Николаем мы прошли в машинное отделение. На небольшом мраморном щите подрагивали стрелки приборов, гудел электрогенератор. Николай сел, предложив нам табуретку.

— Вам бы надо было приехать в праздник электрификации. Посмотрели бы вы тогда, что делалось с народом! Гости к нам съехались со всего района. Было это примерно через месяц после пуска электростанции. Пива мы наварили на весь колхоз, праздновали в каждой бригаде. На санях ездили из деревни в деревню с песнями. В из-

бы, где пир, мы собирали лампочки со всей деревни. Чтоб свет был невероятный. Это была, я вам скажу, иллюминация. А теперь что! Совсем нет того восторга и даже наоборот,—как погаснет свет, бабы прибегают ругаться на станцию. Вы представляете, что они кричат?— он сделал паузу и с удовольствием сказал:—Сапожниками в таких случаях называют нас бабы, ну, да это бывает очень редко,—поспешил он добавить, чтобы мы не поняли его плохо.

Но мы поняли его так, как нужно. Мы поняли, что этот молодцеватый мельник страшно рад, что электричество вошло в быт и колхозники так привыкли к нему, что уже не могут обходиться без электричества.

Пейзаж новой колхозной деревни уже не мыслится без столбов, несущих провода, без этой плотины, без длинного крытого тёмом здания электростанции в узкой долине реки Курдинги.

Седьмая бригада

В колхозе «Первое Мая» шесть бригад.

Но на полях колхоза в 1947 году всё же появилась новая бригада, седьмая.

Бригада создавалась не сразу, круг её деятельности в колхозе был вначале узок, но теперь она уже занимается самыми разнообразными делами—от молотьбы до плотничьих работ, и всем ясно, что не ограничится ими; наступит время, когда не будет в колхозе тяжёлых работ, которые не смогла бы выполнять эта бригада.

О создании её рассказывали нам разные люди.

Самую краткую историю седьмой бригады, услышанную от плотников, мы и хотим рассказать.

Пришёл как-то раз Степан к плотникам на строительство клуба. Пришёл по своему делу: нужно было ему несколько досок, чтобы починить крышу над избой, взял он тесину и топором обтесал неровные острые края её, потом попросил рубанок и стал подравнивать, строгать ребро доски. Строгал и поглядывал, как тем же занимались строители клуба. Провозился с час, не меньше, глянул и видит у ног своих всего две доски. Даже плюнул с досады, что так мало наработал. Потом ещё раз огляделся вокруг и сказал весело:

— А ну её, эту работёнку!..—и выпустил инструмент из рук.—Тащите, ребята, галтельный станок и обрезной, будем запрягать в работу электричество».

Так седьмая бригада—электричество—стала заниматься плотничьими работами. Загудел на строительстве клуба электромотор. Доски с обрезного станка пошли на галтельный, делающий желоба на тесе для стока воды, и то, чего плотники не смогли бы сделать без помощи электричества за три недели, было сделано за три дня.

Тёс для клуба был готов, застучали молотки, и новая крыша, жёлтая, гладкая, увенчала пятистенный сруб с мезонином.

Клуб—новый подарок к очередной годовщине советской власти.

Благодаря правильной расстановке сил, работы по строительству не прекращаются и в самое горячее время для колхоза—уборку.

Степан Фёдорович в эту страдную пору не забывает о клубе.

Вот он приехал в районный центр на пленум райисполкома и в перерыве между заседаниями встретился с художником Кузнецовым.

Перед сквериком райисполкома, там, где стоит памятник Владимиру Ильичу Ленину, с высоко поднятой рукой, они беседуют о клубе.

— Есть у меня знакомый старик-мастер в одном колхозе,—говорит Волокитин,—верст за восемьдесят от нас. Искусник. Резьбой по дереву занимается. Съезжу за ним, чтобы изукрасил он как следует фасад дома. По-русски, с выдумкой, старик умеет оформлять дома. А ты чем можешь нам помочь, товарищ Кузнецов?—обращается он к собеседнику.

Кузнецов уже давно знает о клубе первомайцев, и у него есть свой план оформления здания внутри.

Он говорит о панно на темы колхозной жизни, которые должны украсить стены, о картинах.

Говорит с жаром долго, как будто уже рисует кистью поля в белоногих берёзах, ультрамариновое обширное небо, тракторы в охряной дымке утра, уходящие к тёмному лесу, и хлебобобов, обожжённых ветрами и солнцем.

Предложение художника нравится председателю.

Клуб должен стать центром культурной жизни села.

В него будет переведён радиоузел. Колхозная самодеятельность на сцене порадует народ своими талантами. Будет работать библиотека.

— А в мезонине мы думаем устроить комнату для приезжающих, — сообщает Волокитин. — Чтобы лектор, приехавший из города, мог хорошо отдохнуть в гостях у колхоза. Вот ты и приезжай со своими кистями и красками, поработаешь на славу. Мезонин обживёшь.

По деревянным мостикам, стуча тяжёлыми сапогами, начинают по одному, по два возвращаться в райисполком председатели колхозов.

Время снова идти на заседание.

Степан Фёдорович умолкает и задумывается. На его лицо ложится тень.

— Вот что, художник, — говорит он, заканчивая беседу, — сможешь ты нам оформить уголок памяти погибших на войне наших колхозников? Надо будет по фотокарточкам портреты нарисовать, написать о их подвигах, чтоб не только матери да отцы помнили героев, а весь колхоз всегда помнил о людях, отдавших жизнь за родину, за колхозный строй.

Он прощается с Кузнецовым и уходит на заседание. Пленум с утра выслушивает доклады предколхозов о ходе уборочных работ, о молотье и сдаче хлеба государству.

Колхоз «Первое Мая» выполняет свои обязательства перед родиной сполна. В этом ему успешно помогает седьмая бригада.

В сорок седьмом году в колхозе был оборудован первый электрифицированный молотильный ток. Сейчас их три. Электромоторы заменили двенадцать лошадей и шесть погонщиков.

Многие председатели колхозов на пленуме завидовали новой мощной силе, появившейся у первомайцев, подробно расспрашивали о ней.

А в колхозе «Первое Мая» на одном из токов тем временем шла молотьба. Ещё издали слышны характерный гул и грохот барабана.

В большом, просторном и длинном гумне на холме за околицей деревни «Север» дымно от солнечных лучей, прорезающих помещение, и от пыли, — она набивается в нос, летит в глаза, оседает на спинах работающих.

Работа идёт споро, весело и без перерыва, но за стеной овина нет обычного конного привода. Мы даже не могли найти следов круга, по которому ходят лошади. Четырёх лошадей и двух погонщиков заменил небольшой электромотор мощностью в три киловатта, укрепленный на толстом обтёсанном бревне.

Поворот рубильника, поставленного на стене, — и, плавно поплёскивая, трогается ремень в путешествие от шкива до шкива.

На гумноходишь, как в зерновой цех. Здесь, как в цеху на заводе, надо разговаривать, подходя вплотную к человеку и напрягая голос до крика. Интересы в такой беседе очень мало, да и не до бесед людям, занятым молотью. Темп, ритм работы таковы, что вам бросят в ответ что-нибудь короткое, односложное — и только.

Кажется, что этот напряжённый ритм, напористый, не ослабевающий темп определяются оборотами электромотора, однако — нет.

Женщина, стоящая с граблями первой в ряду идущих от молотилки, кричит, оборачиваясь к нам: «Хлебушко государству!..». Вот почему так споро идёт работа.

У женщины открытые до плеч сильные, ловкие руки, грабли в них не знают ни секунды покоя. Руки подхватывают на лету солому, выброшенную молотилкой, проносят над золотым, растущим курганчиком зерна, отбрасывают её и молниеносно возвращаются назад. Лёгкая белая кофточка местами потемнела и пристала к широкой спине. Нижняя часть лица от пыли прикрыта платком, видны только карие, задорные, молодые глаза, по ним да и по всему облику женщины чувствуется, что любя ей эта работа и ничуть не в тягость сильному, здоровому телу.

Не чувствуется усталости и ни у кого из остальных работающих на току. Шесть женщин попарно отгребают солому к выходу. Две из них, в конце гумна, набрав с помощью грабель огромные охапки соломы и прижимая её граблями к себе, попеременно выносят на улицу. Кажется, что они работают на киноэкране: ворох обмолоченной соломы, освещённой солнцем, высок и закрывает даже небо, он похож на ослепительное полотно, по которому в общем ритме работы, напряжённом и вместе с тем радостном, двигаются то резко очерченные

чёрные силуэты, то вдруг они обретают краски и объёмность.

Молотьба — самая радостная из работ, в колхозе. Труд всей весны и всего лега, обретая весомость тяжёлого золотого зерна в ворохах на полу и в тугих, тёплых, как бы живых, мешках, стоящих пирамидой. около весов, радуется, как награда.

Летает в воздухе шелуха зерна, шелестит, как пламя автогена, солома, вылетая из-под барабана. Две курносые полные девушки, Лиза Коряковская и Нина Митенева поочередно работая ручкой веялки, вплетают в общий гул неторопливый стук сит.

Провеянное два раза зерно сыпается из деревянного корыта в мешки.

Всех женщин, в том числе и Нину с Лизой, загружает работой одна молотилка, а молотилке в свою очередь даёт нагрузку «барабанщик». У барабана сам бригадир Павел Труфанов, темноволосый, сутулый мужчина. Он в чёрной косоворотке без пояса и синих по циклотку штанах. Ему нет времени оглядываться по сторонам. Ровными порциями он отправляет в молотилку снопы, расправляя его привычным жестом правой руки, а левой подталкивая к барабану. Рожь из его рук как бы льётся непрерывным потоком, а глядя на его сутулую спину в старенькой выцветшей рубашке, покрытую на плечах слоем пыли, сразу вспоминаешь солдата-пехотинца.

Точно такой же пылью далёких и славных походов покрывались на марше сутулые спины идущей к победе пехоты.

Через каждые десять-пятнадцать минут к току подъезжает телега, высоко нагружённая тяжёлыми снопами. Пожилая, бойкая и лёгкая сухонькая Настасья Митенева разворачивает воз, помахивая на флегматичного меринка вожжами, и снопы падают на землю.

Остальные ей помогают сбросить с телеги двое подавальщиков — девочка лет четырнадцати в клетчатой кофте и платочке, повязанном по-бабьи, да мальчуган тех же лет, вихрастый и чумазный от пыли. Они подают снопы на стол к Труфанову перерезая вязку серпом, а Настасья, снова завернув меринка, едет за новыми снопами к сушилке, что стоит от тока метрах в полутора.

От сушилки веет запахом хлеба и теплом. Из особого

окна принимает Настасья и укладывает на телегу длинные золотые снопы. Сухие колосья звенят.

Чтобы показать, как хорошо просушено зерно, она растирает колосок на ладони, потом кладёт зёрнышко на зуб. «Слышишь, хрупает?». Сухой треск подтверждает её слова.

— Ране-то на печи хлеб сушили, а теперь у нас на каждом току построена сушилка, по двенадцати центнеров высушивает. С обеда на стеллажи уложим снопы, а к утруму готово...

Под срубом сушилки глубоко в земле поставлена каменка. Её топят, потом, когда снопы уже стоят на стеллажах из жердей, в полу открываются щели, закрытые длинными, широкими, вдвинутыми снаружи тесинами, и жаркий воздух, омывая каждый колосок, просушивает зерно до звона.

Молотьба идёт к концу. Лопатой сгребаются рассыпавшиеся колоски, и Труфанов метлой сметает их по столу в молотилку. Пыль заполняет весь ток. Барабан гремит уже вхолостую, поворот рубильника — и всё стихает. Сразу становятся слышны разговоры, пофыркивающие лошади.

Труфанов выходит на улицу и, свернув цыгарку, закуривает:

Мы спрашиваем его о сдаче хлеба государству.

— График перевыполнен. Нашей бригаде на 15-е нужно было сдать 25 центнеров, а мы уже сдали 33... — отвечает он. — Ну, и другие бригады не отстают. За молотьбой у нас дело теперь не станет, то, что мы сейчас за три часа намолотили, с конным приводом и за полдня не наработать. Правда, работаем мы без перекура, так это потому, что вечером будет молотить другая бригада: току-то на всех сразу нехватает.. Легковата речонка... Ну, а что касается перекура, так бабы не курят, вот разве только он, — смеясь, кивает на парнишку-подавальщика, — ну, так он тайком, наверно, дымит, — за амбаром где-нибудь...

— Мала, легковата речонка! — Так говорят в колхозе все, с кем мы заговаривали о применении электрической силы в хозяйстве.

Это показательно. Первомайцам стало ясно, какие огромные перспективы и возможности открывает электри-

чество в деревне. «Мала река». Это значит, что колхозникам уже мало того, что пилорама даёт триста досок в день (кстати сказать, она снабжает тёмом и соседние колхозы), это значит, уже мало того, что в избах, в пяти новых скотных дворах и тёплых свинарниках горит по вечерам яркий электрический свет, мало того, что электричество молотит, пилит, приводит в движение станки, мало того, что семь электромоторов уже работают в колхозе.

Люди стремятся к большему. С каким жаром говорят они о проекте соединения реки Россохи с Курдингой и о последующей постройке более мощной электростанции!

Григорий Труфанов поведал нам свой план. Николай Макаров рассказал, что, по его мнению, необходимо сделать для увеличения мощности реки.

Степан Фёдорович, не любящий распространяться о планах, тоже проговорился об этом.

— Надо бы сделать нивелировку местности, да прорыть канал от Россохи к Курдинге. Если подняться выше по реке, так там расстояние между ними всего во семьсот метров.

Он назвал точную цифру.

Уж если сказал Волокитин, так значит он промерял сам расстояние между реками и планам суждено претвориться в жизнь.

С уверенностью в своих силах — в силах колхоза — говорят первомайцы о будущем.

Так же, как пятнадцатилетний Прокофий Георгиевич, мечтающий о дипломатической деятельности, они заглядывают далеко вперёд. Этому их научила колхозная жизнь, партия большевиков.

Уже недалёк тот день, когда воду на скотные дворы не нужно будет возить в бочках. Недаром лежат в Великом Устюге закупленные колхозом три тысячи метров водопроводных труб, а там, глядишь, и в избах, на кухнях появятся водопроводные краны.

Степан Фёдорович беспокоится о быте колхозников, сейчас в каждой из деревень колхоза он собирается поставить циркульные электропилы для того, чтобы напилить дров на зиму всем колхозникам.

— Чтоб не жвывать ручной пилой, — говорит он. — Во-

обще необходимо механизировать труд в деревне. Механизация и электрификация должны прочно войти в жизнь колхоза. С внедрением их сотрутся грани между деревней и городом, и наш «глухой медвежий угол» не будет ничем отличаться от пристольных посёлков. Иного пути у нас нет.

Горячей верой в колхозный строй и гордостью за него наполнены эти слова председателя колхоза «Первое Мая».

Говорит радиоузел колхоза „Первое Мая“

Электричество быстро входило в быт колхозников. Осветив дома, оно пришло на помощь хлеборобам и строителям.

Росла седьмая бригада. К 30-летию Октября уже был оборудован свой радиоузел. В далёких кичменгских лесах — в колхозе «Первое мая» зазвучал голос Москвы.

Трудовой день открывается и венчается теперь после боя кремлёвских курантов гимном Советского Союза.

★ ★ ★

С Григорием Труфановым или Гришей, как зовут его первомайцы, мы познакомились в первые же часы своего приезда в колхоз. Он сидел у склада, поджидая подводы с намолоченным зерном, которое ежедневно на закате присылают бригады.

Гриша, будучи радистом, выполняет и обязанности зав. складом. Человек общительный, он тут же рассказал нам о том, как создавался колхозный радиоузел.

На складе несколько месяцев подряд, бездействуя, стояла радиолка «Урал». Приобретена она была Волокитиным в городе, и никто, кроме него, не знал — для чего. Да и сам Степан Фёдорович, как привёз и передал на хранение Григорию Труфанову, долгое время не интересовался, даже не спрашивал о ней.

Прошло больше полугода со дня существования электричества в колхозе. Далеко шагнула жизнь деревень. На большую моральную высоту поднялись люди. Они уже не могли удовлетвориться достигнутым, хотелось удвоить, утроить успехи, добиться новых.

Вот тут-то, в один из августовских дней, и вспомнил Волокитин о радиоле. Он пришёл на склад. Гриша был один. Степан Фёдорович осведомился о делах, а потом, как бы невзначай, улыбаясь, спросил:

— Ящик-то ещё жив или так зарос пылью, что и не сыщешь сразу?

Гриша вначале не понял, о каком «ящике» беспокоится председатель. Задумался, было, но, встретившись глазами с Волокитиным, заулыбался тоже: жив!

— А ты поставь-ка его теперь поближе, на видное место. Довольно ему в углу валяться.

Ни одной пылинки не оказалось на радиоле. Гриша, приняв её в склад, понял, что вещь эта нужная: придёт час, и она найдёт применение в общем хозяйстве. Поэтому он берёт её с особым вниманием.

Волокитин долго разглядывал «ящик». Пошучивал, гладил по ровной поверхности. И наконец, проговорив ещё раз, что пора его ставить на видное место, довольный, вышел.

На следующий день, рано утром, председатель уехал в Вологду.

Как стало известно в колхозе позднее, Степан Фёдорович первым делом посетил контору «Сельэлектро». В беседе с работниками он рассказал о выгодах, какие получает артель после сооружения электростанции. А в конце сообщил, что приехал просить дальнейшей помощи, так как актив первомайцев считает нужным оборудовать свой радиоузел.

— Наш колхоз, — говорил Волокитин, — благодаря наличию электричества за короткий срок стал подлинно социалистическим хозяйством. Выросли сознание и запросы людей, изменились способы организации труда. Поэтому лично я не представляю себе руководителя, который не стремится использовать в общих целях радио. Да и почему бы нам не иметь его, если есть средства и возможности.

В конторе «Сельэлектро» внимательно выслушали председателя, приняли его просьбу о помощи, и Волокитин, окрылённый предстоящей работой, вернулся домой.

— Ну, Григорий, договорился, — сказал Степан Фёдорович, войдя в склад и снова разглядывая радиолу. —

Будет у нас теперь и радио. Только вот беда: поставить то помогут, а кто из наших людей сможет управлять в дальнейшем — не знаю. Впрочем, ты коммунист, ты первый услышал об радиоузле, ты хранил радиолу, — тебе и карты в руки.

Председатель прямо посмотрел в глаза Труфанову и добавил:

— Лучшего кандидата не нахожу. Придётся тебе, Гриша, постигнуть эту науку.

В начале октября в колхоз «Первое мая» из конторы «Сельэлектро» приехал радиотехник Анисимов. За несколько вечеров он познакомил Григория Труфанова с радиооборудованием, рассказал ему о каждом приборе, в отдельности, научил пользоваться ими, подарил книжки с инструкциями об эксплуатации.

Во всех работах — по монтажу узла, по установке радиоточек — Гриша принимал самое активное участие. Это были его учёба и практика одновременно.

Нехватило провода. Пришлось использовать металлический трос. Разматывать помогали колхозные ребята. С тех пор Гриша их называет «своей бригадой».

К 7 ноября, ко дню тридцатилетнего существования советской власти, всё было закончено.

А Григорий Труфанов продолжал успешно постигать науку.

Радиотехник Анисимов уже доверял ему работать самостоятельно. В доме, где он остановился, был репродуктор. Слушая передачи, Анисимов чувствовал, когда Гриша попадал в трудное положение, и вовремя приходил на выручку.

Но потом всё пошло хорошо.

— Сейчас, — говорит Труфанов, — благодаря годовой практике и книгам по радиотехнике я не испытываю больших трудностей в работе. Сам исправляю, если что испортится, думаю об усовершенствовании нашего узла. Но всё же неплохо было бы пройти курсы радиостов. Это моя мечта!..

Но тут прибыли подводы с намолоченным зерном. Всё оживилось. Гриша вошёл в склад.

Первым сдавал зерно молодой краснощёкий парень. Другим же пока нечего было делать, и они охотно отвечали на наши вопросы.

Особое внимание привлёк старик с густой рыжей бородой, в зелёной шляпе, необыкновенно остроумный и подвижной.

Мы решили, что именно он, дед Сергей, сможет поделиться воспоминаниями о старой дореволюционной жизни крестьян. Но не тут-то было. Дед Сергей замахал руками:

— Что вы, что вы! Век прожил, а царского ничего не помню. Правильно, Хорёк? — потрепал он коня, уходя в сторону от разговора.

Люди засмеялись, а кто-то даже пошутил:

— Хорёк-то, никак, ровесник тебе?

— Нет, он моложе, — подхватил дед Сергей.

— А на много?

— Да, пожалуй, на 50 с пятком, коли не больше.

Старая жизнь забыта. Зато о новой жизни можно вволю наговориться с первомайцами.

Вот о чём ещё они нам рассказали.

Не все колхозники сразу оценили великую силу радио. Большинство из них, особенно молодёжь, просто ликовала, когда в их отдалённых местах зазвучал голос Москвы. Но с некоторыми людьми понадобилась глубокая разъяснительная работа коммунистов и комсомольцев.

А теперь трудно представить колхоз «Первое мая» без радио. Оно неотделимо вошло в жизнь людей, став незаметным рычагом всей культурной и массово-политической работы.

Лекции и концерты из столиц, беседы местных медиков, учителей, агрономов — всё это помогает повышать людям общую культуру и образование.

Во время передач в избах наступает нерушимая тишина. Хозяйка старается не греметь возле печки ухватами, замолкают дети.

Словом, всё, что волнует страну, вошло теперь окончательно в жизнь первомайцев.

— Радио — наш штатный пропагандист, да ещё какой, — гордятся они.

Но особенно помогает оно председателю колхоза Степану Фёдоровичу Волокитину.

* * *

Раннее августовское утро. С холмов в низины медленно сползает синеватый дымок, ещё медленнее растягиваясь в них. Не пройдёт и двух часов, туман растает, зелёными, жёлтыми, красными огоньками вспыхнет роса, и среди ржаного половодья забелеют платки колхозниц, чёрная фуражка бригадира всплывёт поодаль.

У склада стоит полторка. Около неё похаживает широкоплечий парень—шофёр, готовясь ехать в Великий Устюг.

А в правлении колхоза на широких, длинных скамьях сидят люди и беседуют со своим председателем.

Собрание? Нет, на собрание не похоже.

— Сделаю, — решительно говорит председатель. Спрашивающий натянув картуз, быстро удаляется.

— Помогу, — и следом выходит другой.

— Подумаю. Вечером дам знать...

— Напиши заявление...

Чем больше звучит ответов, тем меньше становится людей в помещении.

С шести утра начинаются работы в колхозе. С этого времени Степан Фёдорович редко бывает в правлении. Он или на полях или на строительстве. И вот утром, с пяти до шести, председатель принимает по личным делам, выслушивает колхозников, даёт советы.

— Правильно надумал Степан, — говорят люди.

До шести остаются минуты. В правлении наступает тишина. Только шелестит бумагами председатель, да щёлкает круглыми костяшками девушка-счетовод.

На пороге радиоконаты вырастает фигура Григория Труфанова. Он в своих неизменных кожаных галифе, в тёмной старенькой кепочке, сдвинутой на затылок.

— Всё готово, — обращается он к Степану Фёдоровичу.

Тот сразу же следует за ним. Потом садится за столик, придвигает к себе микрофон. Радист Труфанов подаёт сигнал.

— Слушайте, слушайте! Говорит радиоузел колхоза «Первое мая». Доброе утро, товарищи. Здравствуйте.

Он остановился и, помолчав, снова заговорил:

— Бригады, передаю сегодняшней наряд.

Каждой бригаде даётся чёткое задание. Одной — продолжать молотью. Другой — приступить к севу супер-элиты. Строителям — заканчивать отделку клуба.

Потом Степан Фёдорович обращается по радио к одному молодому колхознику, который часто опаздывает на работу:

— О тебе слышит весь колхоз. Ты — комсомолец. Ты должен быть впереди...

Волокитин ещё сообщил, что колхозники-малолетки, особенно Геннадий и Дмитрий Коряковские, занимаются хищением овощей из огородного хозяйства колхоза.

— Ставлю в известность всех родителей, прошу немедленно принять меры.

Возможности радио в целях руководства и воспитания людей безграничны. Но Степан Фёдорович пользуется им умело, не разменивается на пустяки и мелочи. Он тщательно готовится к передачам. И ни одна кампания не проходит без использования радио. Во время лесозаготовок ежедневно отмечалась работа лучших лесорубов в порядке передачи опыта другим, подвергались критике люди, работавшие не в полную силу. Так было и в период весеннего сева, так поступают и сейчас — в дни жатвы хлебов. Кроме того, радио заменило работу посыльных, дав экономию хозяйству.

В конце радиопередачи Волокитин выразил уверенность, что и за нынешний день не будет стыдно первопроходцам перед областью, перед Родиной.

Три, пять, десять минут, — и в разных концах колхоза закипели работы. Загремели молотилки, выбрасывая жёлтое пламя соломы, зазвенели пилорама, гальтельный и обрезной станки, застучали плотники.

Работы в колхозе шли полным ходом, когда председатель вышел из правления. Потом уже, вплоть до вечерних сумерок, его коренастая фигура возникала то здесь, то там:

И, когда небо стало окончательно чёрным, а вдоль

широкой улицы вспыхнули, покачиваясь на лёгком ветру, электрические луны, когда ярко засветились окна и трудовой день страны снова венчался гимном Советского Союза, мы нашли в его гордых словах полное объяснение своим мыслям и чувствам.

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил,
Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Новые огни

Строительство сельских электростанций началось в Кичменгско-Городецком районе по почину первомайцев и вскоре было подхвачено другими колхозами.

Из далёких деревень, по снегам, по болотам потянулись люди перенимать опыт у своих знатных земляков.

Первым пришёл председатель одноименного колхоза Герой Советского Союза Иван Сергеевич Коряковский. Он много беседовал со строителями, долго изучал работу станции и обо всём записывал в свой блокнот. Быть может, в эти минуты ему вспомнилось нелёгкое прошлое родного починка. До революции ни одна девушка не решалась выйти замуж за их парней. «Лучше я в девках останусь, чем поеду на край света». А теперь, теперь — электричество!

И вскоре оно, действительно, стало явью. Лампочка Ильича осветила жизнь колхозников.

В других колхозах также развернулось строительство.

Райсовет, райком во-время поняли и правильно оценили народный подъём, придав ему организованные формы.

На сессии райсовета, состоявшейся 28 августа 1947 года, был заслушан доклад главного инженера областной конторы «Сельэлектро» Зуева о плане сплошной электрификации района.

— Уже на практике доказано колхозом «Первое Мая», — говорили выступавшие в прениях, — какая великая сила заключена в электричестве.

Так было год назад.

А теперь, побывав у первомайцев, мы снова вернулись в Кичменгский-Городок.

Вечер. Воскресенье. Улицы ярко освещены. Слышно, как в домах говорят репродукторы. В городском саду под баян веселится молодёжь. То прозвучит бойкая частушка, то проплывёт широкая, нежная песня, то грянет безудержная русская пляска.

Мы идём по улице со своим новым знакомым — прорабом Баскаковым. Пошёл уже третий месяц, как он приехал сюда из Вологды. Порой и хочется побывать дома, но прораб, пока не закончит работу, отпуска не просит. Он всегда погружён в неё, считая высшим счастьем в жизни — трудиться.

Его зелёная рубаша нараспанку, рыжие щетинкой усы, сапоги, голос, манера ходить изобличают в нём человека простого, любящего размах, твёрдого в деле.

Баскакова прислала областная контора «Сельэлектро» в помощь строителям колхозных электростанций. При его участии многое уже сделано. Полностью эксплуатируются Курдинская, Майманская, Кильчинская, Кузюкская, Шатиневская, Плосковская электростанции. Каждая из них от 10 до 25 киловатт. В предпусковом периоде находятся Шестаковская, объединяющая 8 колхозов, Трофимовская 4, Дорожковская 7, Нижне-Ентальская 13, Малокурдинская 2, Слободская 5 и Имзюкская с мощностью от 15 до 100 киловатт.

Нижне-Шонгская, Калининская, Смоленская, Нижне-Майманская и Верхне-Ентальская ещё строятся.

Шонгская электростанция скоро вступит в строй. Под руководством бригадира Шаравина и десятника конторы «Сельэлектро» Леонида Липитникова сейчас ведутся работы по строительству подводящего лотка, так как готовы береговой устой, турбинная камера, начат монтаж станции.

Строители Калининской электростанции подготовили котлован под плотину, приступили к закладке стлани. Начали рубить береговые устои и готовить материал для турбинной камеры.

Необычно рождение Верхне-Ентальской электростанции. В плане 1948 года она не была предусмотрена. Строительство началось по инициативе председателя сельсовета Зауткина. Поддержали его председатели колхозов.

Прораб Баскаков, узнав об этом и сразу же согласовав вопрос с райсоветом и райкомом, устроил совещание, на котором решили поддержать инициаторов и помочь им шире развернуть строительство межколхозной ГЭС.

На другой же день была выделена рабочая сила. Бригаду возглавил коммунист Крепиковский. С первых же шагов большую повседневную помощь строителям оказывает Верхне-Ентальская МТС. Туда утром Баскаков и собирался ехать.

Баскаков стоял около Дома крестьянина, поджидая попутную машину.

— Когда не надо, они так и рыскают. А сейчас хоть бы одна!..

Он развёл руками, губы его плотно сжались, а лоб собрался в морщины.

— Ничего, успеете.

— Всё ничего да ничего... Работать надо — вот что!

Глаза прораба загорелись, он щёлкнул портсигаром, закурил.

— Жизнь-то как несётся, не догонишь! А тут ещё ехать не на чём. Сколько времени зря проходит. За эти часы можно было бы горы свернуть. Правильно решили ленинградцы. Скорость, темпы, качество. По-моему, каждый должен учесть их опыт..

Баскаков посмотрел на дорогу. Машины не было. Он продолжал:

— Вот говорят — столицы, города! А мне, например, кажется, что именно здесь, в провинции, сейчас центр земли. Пройдёт немного лет, и люди не будут разли-

чать — деревенский ты или городской. Школы, заводы, больницы, клубы уже есть. Электричество освоим, примемся за институты и театры. Наконец и сотрём границу между городом и деревней...

Но тут Баскаков увидел машину, схватил свой нещевой мешочек и, выскочив на дорогу, «проголосовал».

— А, прораб. Давай, давай. Подвезу, — пробасил шофёр, открывая дверцу кабины.

Прораб помахал рукой, прокричал привет Ленинграду, и машина снова двинулась в путь...

★ ★ ★

Далеко шагнула колхозная деревня за годы советской власти. С честью выдержала она тяжкие испытания войны. Вернувшись к мирному труду, миллионы советских людей обеспечивают дальнейший подъём сельского хозяйства.

И сейчас, когда все дороги ведут к коммунизму, могучей силой в колхозной деревне в этом поступательном движении выступает вперёд электричество.

Ещё 15 лет назад товарищ Сталин сказал замечательные слова:

«Старая деревня с её церковью на самом видном месте, с её лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с её полуразваленными избами крестьян на заднем плане — начинает исчезать. На её место выступает новая деревня с её общественно-хозяйственными постройками, с её клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с её тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями. Исчезли старые знатные фигуры кулака-эксплоататора, ростовщика-кровососа, купца-спекулянта, батюшки-урядника. Теперь знатными людьми являются деятели колхозов и совхозов, школ и клубов, старшие трактористы да комбайнеры, бригады по полеводству и животноводству, лучшие ударники и ударницы колхозных полей.

Исчезает противоположность между городом и деревней. Город перестаёт быть в глазах крестьян центром их

эксплоатации. Всё крепче становятся нити хозяйственной и культурной смычки между городом и деревней. От города и его промышленности деревня получает теперь помощь — тракторами, сельхозмашинами, автомобилями, людьми, средствами. Да и сама деревня теперь имеет свою промышленность в виде машинно-тракторных станций, ремонтных мастерских, всякого рода промышленных предприятий колхозов, небольших электростанций и т. п. Культурная пропасть между городом и деревней заполняется».

Редактор А. К. Зловидова

Технический редактор А. А. Веселовская

ГЕ08492. Подписано к печати 9.7.49 г. Объем 3 п. л. Тир. 5000. Зак. 2323.

Вологда, Областная типография „Красный Север“